

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2022-2-86-93

Мао Сян, В.Г. Торосян

**СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ОХРАНЕ И ПОВТОРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕВРОПЕ, США,
КИТАЕ И РОССИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Статья посвящена проблеме сохранения и повторного использования промышленного архитектурного наследия в качестве общественного пространства. Даны определения «общественных пространств» в российском и зарубежном исследовательских дискурсах. Рассмотрена история концептуализации и институционализации проблемы сохранения и повторного использования промышленного архитектурного наследия, выявлены сходства и различия подходов Европы, США, Китая и России.

Ключевые слова: промышленная архитектура, реновация, ревитализация, общественное пространство.

В современном мире продолжают урбанистические процессы, однако урбанизация сегодня происходит отлично от того, как это было в XX в. Сегодня урбанизация происходит экстенсивно и интенсивно, т.е. вширь (пространственное расширение городов) и вглубь (развитие инфраструктуры, освоение виртуального пространства и медиасреды). Смена технологий на более эффективные и перемещение актуального производственного комплекса в развивающиеся страны приводят к деградации местного производственного комплекса и формированию комплекса промышленного архитектурного наследия, которое включается в городские процессы и гибридизируется. Современная Россия и современный Китай формируют новый миропорядок, выходя на уровень высокой индустриальной культуры. Специфика высокой индустриальной культуры подразумевает наличие экспертной культуры, производство знаний и опыта и коммуникативных сетей, а значит, и формирование общественных пространств не только как возможности рационального использования средств, но и как условия повышения качества жизни, облагораживания ее, насыщения новыми смыслами – культурно-историческими, познавательными, эстетическими. В условиях все возрастающей архитектурной, бытовой психологической перенасыщенности городских агломераций подобные исследования приобретают особую актуальность, требуя при этом культурологического обобщения экспертных результатов.

На данный момент в России и в Китае имеются исследования по настоящей теме, однако они представлены немногочисленными статьями, поскольку в текущих реалиях практика повторного использования промышленного архитектурного наследия превалирует над теорией, причем эта практика часто имеет характер самостоятельности инициативных групп или маргинальных сообществ. В связи с этим чрезвычайно важным оказывается не только теоретическое рассмотрение текущего российского и китайского опыта, но и рассмотрение опыта, полученного в этом плане в течение XX в. в США и в Европе. Важными источниками по настоящей теме являются «классические» работы по урбанистике «чикагской школы», принадлежащие Джейн Джекобс, Даниелу Беллу, Яну Гейлу, Ларсу Гемзо, Ле Корбюзье, Лиусу Вирту, Дэвиду Харви, Рему Колхасу, Колин Эллард. Источниковой базой настоящего исследования являются работы указанных авторов. Однако и в работах этих исследователей настоящая тема не представлена специально и осмыслена косвенно, а не предметно. Этой проблемой обусловлена научная новизна настоящей статьи, данные которой получены методом исторического и сравнительного анализа.

Объект исследования – история формирования промышленного архитектурного наследия Европы, США, Китая и России и способы обращения с ним. **Предмет исследования** – сходство и различие в охране и повторном использовании промышленного архитектурного наследия в Европе, США, Китае и России.

В первобытную эпоху палеолита, с момента своего возникновения, человечество было заложником необходимости, и его жизнь зависела от обстоятельств. Вопрос выживания зависел от источников энергии, в первую очередь от возможностей питания. В период неолитической революции (12–4 тысячи лет до н.э.) человечество освоило технологию земледелия и получило контроль над источниками собственного питания, а значит, над жизнью и смертью [1]. Производство стало основой жизни, однако для обеспечения эффективного производства человечеству необходимо было решать масштабные задачи (изменение ландшафта, быстрый засев больших площадей, одомашнивание животных и формирование кормовых баз etc).

Когда люди столкнулись с масштабными задачами, возникла потребность в мобилизации производительных сил, для чего возникли первые города, политические образования и крупные религиозные системы. Таким образом, исторически производство являлось двигателем экономического и структурного развития регионов, и в этой системе производства город оказывался не только местом сосредоточения производительных сил, но и выполнял функцию координации действий множества людей: местных жителей и приезжих [2]. При этом пространство города экзистенциально: оно формирует опыт во взаимосвязанных образах, символах, знаках, позволяющих создавать долговременные и устойчивые личные и групповые жизненные стратегии в определенных географических условиях.

Система этих знаков, символов, образов оказывается территорией жизненных смыслов. Город, особенно современный, к тому же имеет эвристический и познавательный потенциал: каждую секунду мы производим данные, производим события, вещи, законы, знания, мифы, технологии и через них познаем мир, постигаем блага цивилизованной жизни. Познание человеком окружающей среды осуществляется через восприятие внешних данных и их репрезентацию – построение моделей реальности, в которых фиксируются наиболее важные ее характеристики. Так, мифы, образы, знания, понятия, представления наряду с материальными объектами слагают человеческую культуру, урбанистическую по преимуществу, в структуру которой интегрируется структура человеческой деятельности [3].

Развитие культуры с течением времени приводит к эволюции способов производства и к наращиванию образа места. Поскольку любой рукотворный предмет, древний или современный, связан с суммой технологических знаний и процессов, он потенциально уже является артефактом, т.к. архитектура является рукотворной плотью культуры. По мере ее развития и трансформации многие сооружения (в т.ч. промышленные объекты) становятся артефактами, символами, знаками и следами действовавших прежде производственных отношений и производимого экзистенциального опыта – иначе говоря, культурным наследием.

Поскольку, как говорилось ранее, исторически производство являлось двигателем экономического и структурного развития регионов и сфер, то задачей является обеспечение и поддержка действительности производства, консолидация производительных сил, осуществление их координации, а также обеспечение экзистенциального опыта урбанизма и сохранение жизнеспособности самой культуры, т.е. выполнение по отношению к внешней среде защитных функций посредством обеспечения и поддержки в течение нескольких поколений непрерывного производства, воспроизводства и усовершенствования своих базовых образцов (достижение устойчивой вечности и гарантированной бессмертности культуры). Для этого у каждой культурной системы есть два инструмента. Первым инструментом оказывается история общества, которая по своей сути является результатом познавательной и эвристической деятельности и оказывается

направленной вовне – в некультурное по отношению к самой культуре поле пространства-времени, одновременно в ничто, а также в прошедшее и в будущее.

Вторым инструментом оказывается культурное наследие, обладающее колоссальным потенциалом. С одной стороны, наследие, которое является неотъемлемой частью самой культуры, но в то же время воспринимается ею самой как собственный элемент, символ или артефакт. Поэтому наследие и его образ изменяются, развиваются и наращиваются вместе с изменением, развитием и наращиванием самой культуры.

С другой стороны, наследие может выполнять функции идеологического подкрепления в ходе формирования новой традиции. Наследие может выполнять также коммуникативную, консолидирующую и интегрирующую функции: оно может связывать разделенные в историческом времени и в географическом пространстве культуры, поскольку наследие – прошлое, представленное здесь-и-сейчас видимыми и ощутимыми признаками.

Образ наследия также часто оказывается конституирующим для производства культурной идентичности или для ее воссоздания, апологии и легитимации. При этом наследие само по себе также может рассматриваться как инновационная ментально-материальная область, в рамках которой когнитивные процессы отбора наиболее важных культурных образцов могут приводить к рождению принципиально новых образов ментального и материального миров.

При этом в истории Западной и Восточной цивилизаций сознание каждой эпохи формировалось через обновленное отношение к древним или предыдущим культурам. Однако современная эпоха получила такой размах и столь новые особенности, что именно им приходится уделять наибольшее внимание. Анализ современного мира с высоким уровнем и интенсивностью урбанизации показывает, что, во-первых, исторически производство является двигателем экономического и структурного развития регионов и сфер, а, во-вторых, любой современный крупный инфраструктурный объект (предприятие, район, город, регион) представляет собой техноценоз – самоэволюционирующую, взаимосвязанную слабыми связями особой природы совокупность технических изделий, процессов и мест. Таким образом, города, исторически являющиеся наиболее оптимальной производственной средой, являются сложно устроенной средой: совокупностью интегрированных друг в друга технологий, систем саморазвивающихся и саморегулируемых элементов.

Однако, поскольку инфраструктурные городские системы развиваются с неравной интенсивностью, а иногда препятствуют или влияют на развитие друг друга, то с наступлением периода высокой индустриальной культуры (2-я пол. XX в.) человечество столкнулось с необходимостью администрирования и курирования развития городов [4]. По этим причинам в последние десятилетия усиливается интерес к формированию городской среды, которое воспринимается как особый вид архитектурно-художественной и инженерно-дизайнерской деятельности. Городская среда при этом понимается как совокупность открытых архитектурных пространств с их предметно-пространственным наполнением, предназначенных для жизнедеятельности населения.

Во многих городах мира и России в связи с развитием инфраструктуры, технологий, в связи с увеличением продолжительности жизни и численности населения все чаще возникает необходимость преобразования и реконструкции городской среды, а также потребность в создании, дизайне и в расширении сети общественных пространств [5]. В связи с этим одной из актуальнейших проблем оказывается сохранение архитектурного наследия, в частности индустриального, как его важнейшей составляющей. Исторически индустриальные объекты играли роль катализаторов социокультурного, экономического и пространственного развития, а также служили архитектурно-историческим каркасом городов как в СССР, так и по всему миру. Если изначально промышленные зоны и индустриальные объекты располагались за чертой города, то теперь ввиду расширения полотна города они обретают центральное положение [6].

Реактуализация архитектурно-промышленного наследия за счет превращения индустриальных объектов в общественные пространства позволит превратить их из “слепых пятен” города в инфраструктурные доминанты, максимально реализовать потенциал наследия и решить ряд городских проблем и муниципальных задач. Сегодня общественное пространство представляется более широким понятием, характеризующим не только физическое сосредоточение людей в определенных границах, но и совокупность виртуальных нагрузок. Процесс, который необязательно требует физического пространства для своего протекания, нуждается в материальной основе для технической организации. Поиск архитектурно-художественного языка индустриального наследия является одной из ключевых проблем при создании и реформировании промышленных районов. Это тема нуждается в отдельном исследовании, которое будет продолжено авторами.

В настоящем исследовании важно отметить, что перспективным направлением научной и практической деятельности является процесс одновременного создания точек общественного притяжения и сохранения исторических индустриальных объектов, на базе которых они формируются [7]. Прежние промышленные объекты должны становиться многофункциональными, поскольку перед ними оказывается необходимость соответствовать актуальным социально-экономическим потребностям города, а также учитывать исторический контекст и необходимость сохранения архитектурного наследия.

Прежде с этими проблемами сталкивались исторические города, но в последние годы с этим сталкиваются и города, которым не больше века, однако, которые имеют интенсивные темпы развития и роста. Сегодня такие города сталкиваются с тем, что, разрастаясь, они вбирают в себя промышленные зоны и индустриальные объекты, которые на момент создания относились к загородным территориям. Это ставит задачи эффективной интеграции промышленного архитектурного наследия в инфраструктуру и культурное поле города, а также повторного использования этого наследия, наделяя его новыми средовыми качествами в соответствии с современным пониманием комфорта, развития и досуга [8]. В связи с этим многие нефункционирующие промышленные зоны, территории заводов и фабрик и объекты промышленного архитектурного наследия повторно используются как объекты туристического значения и общественные пространства. «Общественное пространство» – воспринимаемый целостно и архитектурно освоенный сегмент городской территории, на котором происходит формирование, воспроизводство и жизнь горожан.

В идеале общественное пространство должно оптимально сочетать в себе три аспекта общественной жизни: социальный, культурный и политический. К предметно-пространственной среде общественных пространств относят совокупность природных и рукотворных элементов и их вещественное наполнение, находящиеся в постоянном взаимодействии с человеком и изменяемые в процессе его деятельности. Стоит помнить, что многие промышленные объекты в странах “социалистического лагеря”, которые делали упор на индустриализацию, в первую очередь в СССР и Китае, изначально создавались как аттракторы, формирующие и воспроизводящие инфраструктуру города, т.е. имели градообразующий характер. Поэтому упадок промышленных комплексов и утрата производственных функций, вызванные экономическими трансформациями и реорганизацией производства в течение последних десятилетий, могут оказать критическое влияние на современную жизнь городов, в которых индустриальные предприятия выполняли градообразующую функцию. По этой причине при реновации и интеграции индустриального архитектурного наследия в жизнь городов чрезвычайно важно учитывать тот предполагаемый или моделируемый эффект, который новое пространство окажет на округу в процессе интеграции и после интеграции.

В этом случае важно учесть мировой опыт реновации и повторного использования индустриального архитектурного наследия для создания общественных пространств, и

особенно – опыт СССР и опыт Китая, поскольку китайский опыт имеет аналогичные российскому опыту исторические и социокультурные основания.

Реновация как масштабный феномен появилась в 1945 г. в США в связи с принятием закона о реновации. Однако именно движение за сохранение индустриального наследия впервые появилось в Англии в начале 1960-х гг. Это было связано с планами по послевоенной реконструкции промышленных комплексов. Спонтанно возникшие консолидированные группы активистов стали привлекать внимание властей и общественности к проблеме и открыто бороться за спасение памятников индустрии. Это вызвало в европейских странах и в США публичные дебаты в сфере градостроительства, что уже к 1970–1980-м годам сформировало в сознании общественности идею значимости бывших промышленных зданий и индустриальной архитектуры [9].

В 1971 году было учреждено Общество промышленной археологии (SIA, США), в 1973 году прошла I Международная конференция по сохранению индустриального наследия (Англия), а в 1978 году учрежден Международный комитет по сохранению промышленного наследия (ТИССИ), принявший так называемые «Дублинские принципы». Поиск наиболее приемлемых способов сохранения индустриального архитектурного наследия привел к идее повторного использования производственных объектов для создания на их основе общественных пространств, организации индустрии промышленного туризма и осуществления арт-практик индустриального плэнэра, разработанных в СССР еще в 1960-х гг.

Уже тогда же, в 1960-е годы, в США многие значительные современные художники модернистских направлений, например Э. Уорхолл и Ж.-М. Баския, стали открывать на территории заброшенных заводов свои мастерские-студии, галереи, киностудии и студии звукозаписи для культовых рок-групп. В значительной степени ревитализацию заброшенных промышленных предприятий («заброшек») тогда же осуществляло первое поколение представителей панк-культуры и хиппи в Великобритании и в США, организуя в «заброшках» сквоты.

Реализация повторного использования производственных объектов в 1990-е годы в рефлексии исследователей и активистов, политиков и представителей муниципальных властей обнаружила спорные вопросы касательно повторного использования зданий и сохранения уникальных элементов производственного процесса и элементов индустриального архитектурного наследия. Со второй половины XX в. самым распространенным способом обращения с индустриальным наследием был промышленный туризм, который позволял привлечь инвестиции в реконструкцию, содержание памятников и реновацию промышленных зон, однако реальный прирост сегмента в развитых странах стал ощутимым лишь в 1990-е годы. Под влиянием этой тенденции в общественном сознании развитых стран индустриальное архитектурное наследие стало восприниматься именно как наследие, а здания фабрик, заводов и предприятий стали осмысляться как памятники, имеющие историческое значение и культурную ценность. Благоприятствовало этому то, что в США уже к 1990-м годам существовала концепция «коридоров наследия», используемая в муниципальных практиках по сохранению и реновации промышленных территорий.

С 2000-х годов исторические промышленные территории стали включать в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. На данный момент под опекой ЮНЕСКО находятся 37 индустриальных объектов: промышленные районы и заводы, шахтерские города и фабричные поселки, ирригационные системы и соляные шахты, оборонительные сооружения и старинные рудники, порты и судоверфи, железные дороги и вокзалы, паровые станции и ветряные мельницы.

Однако во всех странах, в том числе в России и в Китае, участники процесса сохранения и ревитализации индустриального наследия до сих пор делятся на государственных и общественных с различной долей преобладания участников в различных регионах. Многие объекты индустриального архитектурного наследия по всему миру

оказываются полем взаимодействия представителей власти, бизнеса, науки, образования, культуры, искусства, СМИ.

Стремительная урбанизация и появление высоких технологий и принятие принципа «тойотизма» привели к значительным экономическим изменениям и к массовому закрытию производственных предприятий и комплексов в 1980-е годы в Китае. Процесс деиндустриализации длился в Китае до 2000-х годов, что позволило властям, знакомым с опытом США и Европы, практически сразу включиться в этот процесс и обеспечить ему курирующее сопровождение. Однако как отдельное направление политика азиатских стран (в первую очередь КНР и Южной Кореи) в отношении производственного наследия начала оформляться лишь в 2015–2016 гг. Поэтому теоретическое осмысление и разработка практических решений по сохранению, ревитализации, реновации индустриального архитектурного наследия в Китае сегодня чрезвычайно актуальна.

В основе парадигмы СССР лежала идея осуществления проекта по достижению коммунистического общества и отмены денег к 1980-м годам за счет достижения высокой индустриальной культуры, способной производственным комплексом обеспечить оптимальные (онтологически подлинные) экономические потребности человека, поэтому масштабы и интенсивность индустриализации были колоссальными [7]. Однако с развалом СССР в 1991 году и кризисным положением постсоветской России промышленность резко пришла к упадку и произошло массовое закрытие больших и малых производственных предприятий и комплексов. В Международный комитет по сохранению индустриального наследия Россия вошла в 1994 г., а с 2005 года стали проводиться конференции «Индустриальное наследие».

На сегодняшний день за рубежом под индустриальным наследием понимаются все объекты, способные наглядно продемонстрировать технические достижения человека во времени. Примечательно, что в России, в отличие от зарубежного мирового опыта, индустриальное наследие понимается в антропологическом и экономико-историческом ключе, т.е. российские теоретики не ограничиваются рассмотрением лишь материального фактора, а обращают внимание и на человеческий фактор процессов индустриализации и реновации промышленного наследия [10]. В современной зарубежной и российской практике индустриальное архитектурное наследие повторно используется для размещения арт-зон, арт-кварталов, музеев, студенческих городков, рекреационных объектов, инновационных и дата-центров, репетиционных точек, студий звукозаписи, кофеен, театров, танцевальных студий и музыкальных сцен. Это оказывается возможным за счет комплексно проработанной реновации и гуманизации индустриального архитектурного наследия.

Чрезвычайно полезен и опыт «возвращения к жизни» промышленных городов, которые в силу резких общественно-политических перемен, характерных для Китая, а особенно для России рубежа XX–XXI вв., утратили свою промышленность, часто имевшую градообразующее значение (а небольшие города делавшую моногородами). Это делало неизбежным рост социального напряжения, безработицы, преступности, беспорядочности и т.д.

В значительной степени выходом из такой ситуации стала пришедшая из Европы практика объявления (назначения) «культурными столицами» городов (в том числе небольших), утративших свою промышленность, но сохранивших объекты культурной (исторической, архитектурной) ценности. Уделяя особое внимание таким объектам, удастся добавить подобные города к тем, которые уже давно являются признанными объектами культурного наследия (как, например, города «Золотого кольца» России) и привлечь туда большое количество туристов, что неизбежно предполагает развитие их инфраструктуры (дороги, гостиницы, причалы), а средства, полученные благодаря такой политике, можно направить на развитие города, включая возрождение промышленности в нем или, напротив, отказ от нее, в зависимости от того, насколько оправданно то или другое решение.

Таким образом, охрана и повторное использование промышленного архитектурного наследия имеет огромное и все возрастающее социально-культурное значение, требующее дальнейшего исследования представителями гуманитарных, технических и естественных наук.

Литература

1. Фуллер Б. Космический корабль «Земля». М.: Издатель Дмитрий Аронов, 2017. С. 21–28.
2. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 14–23.
3. МакЛюэн М. Понимание медиа. М.: Кучково поле, 2018. С. 14–35.
4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: StrelkaPress, 2016. С. 51–54.
5. Утехин И.В. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города, 2012. М.: Strelka Press. С. 82.
6. Паченков О.В. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности // Новое литературное обозрение. № 117 (5/2012), 2012. С. 67–83.
7. Мамедов, А.А. Оришев, А.Б. Тоталитаризм: трактовки прошлого и настоящего // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2014. № 2 (58). С. 108–115.
8. Лоу Сета М. Пласа. Политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016. С. 240.
9. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. С. 238.
10. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. С. 180.

Similarities and Differences in the Protection and Reuse of Industrial Architectural Heritage in Europe, USA, China and Russia: A Culturological Analysis
Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2022, 2 (85), 86–93.
DOI: 10.24412/2070-075X-2022-2-86-93

Mao Xiang, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: 125458125@qq.com

Vardan G. Torosyan, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: torosyan5@mail.ru

Keywords: industrial architecture, renovation, revitalization, public space.

The article discusses the problem of preserving and reusing industrial architectural heritage as a public space, not only as an opportunity for the rational use of funds, but as a condition for improving the quality of life, ennobling it, saturating it with new – cultural, historical, cognitive, aesthetic – meanings. In the conditions of the ever-increasing architectural, routine and psychological oversaturation of urban agglomerations, such studies are of particular relevance and require a cultural generalization of expert results. The definitions of “public spaces” in Russian and foreign research discourses are given. The history of conceptualization and institutionalization of the problem of conservation and reuse of industrial architectural heritage is considered; similarities and differences in the approaches of Europe, the USA, China and Russia are revealed. The article shows that in industrialized countries the subjects of the preservation and revitalization of industrial heritage are still divided into state and public ones with a different share of the prevalence of participants in different regions. Many objects of industrial architectural heritage around the world turn out to be a field of interaction between representatives of government, business, science, education, culture, art, and the media. In modern foreign and Russian practice, industrial architectural heritage is reused to accommodate art zones, art quarters, museums, campuses,

recreational facilities, innovation and data centers, rehearsal points, recording studios, coffee houses, theaters, dance studios and music stages. This is possible due to the comprehensively designed renovation and humanization of the industrial architectural heritage.

References

1. Fuller, B. (2017) *Kosmicheskiy korabl' "Zemlya"* [Operating Manual for Spaceship Earth]. Translated from English. Moscow: Izdatel' Dmitriy Aronov. pp. 21–28.
2. Weber, M. (2018) *Gorod* [The City]. Translated from German. Moscow: Strelka Press. pp. 14–23.
3. McLuhan, M. (2018) *Ponimanie media* [Understanding media]. Translated from English. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 14–35.
4. Wirth, L. (2016) *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life]. Moscow: StrelkaPress. pp. 51–54.
5. Utekhin, I.V. (2012) *Mesto deystviya. Publichnost' i ritual v prostranstve postsovetskogo goroda* [Scene. Publicity and ritual in the space of a post-Soviet city]. Moscow: Strelka Press.
6. Pachenkov, O.V. (2012) Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti [Public space of the city in the face of modern challenges]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 117 (5/2012). pp. 67–83.
7. Mamedov, A.A. & Orishev, A.B. (2014) Totalitarizm: traktovki proshlogo i nastoyashchego [Totalitarianism: interpretations of the past and present]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2 (58). pp. 108–115.
8. Low, S.M. (2016) *Plasa. Politika obshchestvennogo prostranstva i kul'tury* [On the Plaza. The Politics of Public Space and Culture]. Translated from English Moscow: Strelka Press.
9. Jacobs, J. (2011) *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The death and life of great American cities]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Glazychev, V.L. (1984) *Sotsial'no-ekologicheskaya interpretatsiya gorodskoy sredy* [Socio-ecological interpretation of the urban environment]. Moscow: Nauka.

УДК303.446.23-049.6

DOI: 10.24412/2070-075X-2022-2-93-100

Чэнь Лилун

ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ И РОССИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Китай и Россия имеют многовековую историю, и в ходе тысячелетнего исторического развития в каждой из них сформировалась уникальная национальная культура, обе страны обладают великолепным нематериальным культурным наследием. В процессе его сохранения страны осуществили ряд положительных и полезных практик, накопили определенный опыт в этой сфере деятельности. В данной статье сравниваются и анализируются классификации объектов наследия, деятельность гражданских организаций и конкретные инициативы по охране нематериальных культурных ценностей в двух странах, рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается государство и общество в сфере охраны наследия.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, классификация, организации гражданского общества, инициативы по сохранению, вызовы и идеи.